

Отношения России – США – КНР в контексте концепции внешней политики РФ

Галина Дробот

В современном мире обозначились два глобальных тяжеловеса: США и КНР. Согласно большинству прогнозов, экономика КНР должна обогнать Соединенные Штаты по абсолютному размеру ВВП в течение ближайших десяти лет, т.е. еще при нынешнем руководстве, пришедшем к власти в ноябре 2012 г. (на XVIII съезде КПК). При этом США останутся самой мощной державой в военном отношении и сохранят лидерство в области науки, образования, высоких технологий и инноваций.

Мир вступит в эпоху, когда первенство в различных областях будет принадлежать разным странам.

Есть ли у России внешнеполитическая стратегия, способная подготовить ее к этим фундаментальным изменениям на международной арене?

Как уже сегодня реагировать на обострение конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем?¹

Для ответа на поставленные вопросы имеет смысл обратиться к новейшей Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом России 12 февраля 2013 г.², чтобы выявить,

как там расставлены акценты в отношении США и КНР.

Новая Концепция внешней политики России принципиально не отличается от Концепции-2008. Исключением можно считать смягчение

ДРОБОТ Галина Анатольевна – доктор политических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* gdrobot@mail.ru

Ключевые слова: Россия, США, КНР, Концепция внешней политики-2013.

акцентов в отношении политики НАТО на российском направлении. В остальном новой версии Концепции внешней политики, как и предыдущей, присущ идеализм и романтизм. Они достаточно далеки от реализма. Последняя версия к тому же содержит в себе немало противоречий.

Последняя версия Концепции внешней политики основывается на прежних трех основных постулатах, о которых мы уже писали ранее³:

- примате международного права как основы межгосударственных отношений с основным акцентом на Устав ООН (который, заметим, во многих своих частях устарел уже много лет назад, поскольку был принят в совершенно иную эпоху, почти 70 лет назад);

- ставке на ООН и ее Совет Безопасности как на основную организацию, регулирующую международные отношения. Но в том же документе говорится о «децентрализации глобальной системы управления», что вполне естественно в условиях «полицентричной международной системы» и наличии альтернативной системы мирового управления в лице G-7/8 и НАТО;

- последовательном снижении фактора силы в международных отношениях.

Последний тезис вызывает сомнения не только после событий в Грузии (август 2008 г.), но и в связи с Ливией и событиями, происходящими ныне в Сирии. При всей противоречивости операций НАТО в Ливии там прекратилось массовое кровопролитие, хотя, конечно, хотелось бы иметь иное решение данного конфликта. Ливийцы сами затеяли смуту, а вот разрешить ее не смогли. То же отно-

сится и к Сирии. Поликонфессиональная страна со сложной системой этноуправления, она еще долго не придет к миру, и будут гибнуть люди. Только внешнее военное вмешательство поможет стабилизировать ситуацию. Но для этого нет согласия в СБ ООН.

Противоречивым выглядит содержащийся в Концепции-2013 призыв к сворачиванию наступательных потенциалов и ограничению развертывания новых видов вооружений. Известно, что Россия выделяет большие средства на модернизацию вооружений и создание более современных видов оружия. Здесь даже нет смысла приводить цифры. Поэтому данный тезис Концепции-2013 явно входит в противоречие с реальной действительностью.

Еще одним противоречием означенной концепции является тезис о том, что Россия должна активно участвовать в «гибких внеблоковых сетевых альянсах». Что имеется в виду, не сказано. По-видимому, G-20 или подобные ей. Между тем в Концепции-2013 сделан акцент на участие России в ОДКБ, которая является отнюдь не сетевой структурой, а также многих других несетевых организациях, таких как, например, ШОС. Впрочем, БРИКС, как и ШОС, упоминаются вскользь, что говорит об их месте среди приоритетов российской внешней политики.

Как можно согласиться с тезисом о том, что внешняя политика России является последовательной и преемственной?

Даже если речь идет только о первом десятилетии 2000-х годов, то и тогда можно выделить период «наступательной политики» В.Путина

(2007–2008 гг.), явно отличающийся от его же предшествующей политики, и тем более от более поздней «экономизированной» политики Д. Медведева. Мы уже не говорим о 90-х годах, когда внешняя политика России разительно отличалась от последующих периодов.

Не менее спорным относительно внешней политики России является тезис о ее непредсказуемости в отсутствие внятной и реалистичной стратегической Концепции внешней политики. Сошлемся на исключительно широкий спектр отношений, где Россия, как заявлено, заинтересована поддерживать контакты – от Африки до Арктики, от Латинской Америки до Азиатско-Тихоокеанского региона. О приоритетах можно судить лишь по расстановке мест в тексте: на первом месте стоит СНГ. Впрочем, на удивление, дружеские чувства выражаются к КНДР, нарушившей все мыслимые нормы международного права.

Однако от общей характеристики Концепции-2013 вернемся к российско-американо-китайским отношениям. Посмотрим, как они отражены в концепции.

В Концепции-2013 и других официальных документах не встретились критики в адрес Поднебесной в отличие от критики США. Во многом это связано с ростом влияния Китая и других азиатских стран на международной арене, а также с разворачиванием американской военной инфраструктуры в Восточной Европе и подозрениями о вмешательстве Запада во внутренние дела России. Об отношениях в формате Россия – США – КНР в Концепции-2013 не

сказано ни слова. Никаких опасений не высказано по поводу нарастающей военной мощи Китая. Зато отдельной строкой выделены отношения в формате Россия – Индия – Китай.

Очевидно, что последний формат отношений менее актуален (хотя и не лишен значимости), учитывая нарастающую глобальную конкуренцию между США и Китаем, а также кризис в отношениях между Россией и Индией. На последнем кризисе остановимся чуть подробнее.

Визит В.В.Путина в Индию (конец декабря 2012 г.) за последние десятилетия стал наименее «урожайным» на соглашения.

Почему же России все сложнее выстраивать партнерство с одной из крупнейших мировых держав, традиционно считавшейся надежным союзником Москвы? Нынешние сложности в отношениях с Индией оказались для российской стороны довольно неожиданными. Официально статус отношений Москвы с Дели именуется «привилегированным стратегическим партнерством», ни одна встреча в верхах не обходится без упоминания о золотых временах советско-индийской дружбы. Многие высокопоставленные чиновники в России отношения с Индией воспринимают именно через призму лет, когда СССР был донором технологий и инвестиций, а Индия – благодарным «младшим братом».

Однако за последние годы ситуация резко изменилась. Сейчас Индия лишь ненамного отстаёт от России по размеру экономики, занимая десятое место в мире по размеру номинального ВВП (у РФ – девятое). Но

темпы роста у нее быстрее – в ближайшие два года ожидаются около 6,7% в год (по данным Азиатского банка развития) против российских 3,6%. Дели становится все более требовательным в отношении своих внешних партнеров. А сами мировые игроки все активнее стремятся укрепиться на динамичном рынке растущей страны, которая по численности населения в ближайшие годы может обогнать Китай.

Вот как характеризует нынешние российско-индийские отношения руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Татьяна Шаумян: «Сегодняшняя ситуация в российско-индийских отношениях весьма драматична и не похожа на то, что мы наблюдали на протяжении последних десятилетий. Если раньше среди различных политических сил Индии существовал консенсус по поводу приоритетности отношений с Москвой, то сегодня этот консенсус размывается. Отношения с Москвой все в большей степени становятся заложниками внутривнутриполитической ситуации в стране. Центральное правительство в Дели не может не считаться с ростом влияния региональных партий, исходящих из собственных интересов, зачастую не отвечающих ожиданиям Кремля»⁴.

Итак, можно заключить, что в Концепции-2013 никак не представлена нарастающая конкуренция между США и КНР и, соответственно, не отражена позиция России по этому вопросу. Все это является большим пробелом в официальном документе, призванном откликаться на международную ситуацию сегодняшнего дня.

Журнал «Россия в глобальной политике» устами своего автора, доктора политических наук И.Зевелева следующим образом описывает суть проблемы в отношениях по линии Россия – США – КНР. Представление о Западе, прежде всего США, в России сильно идеологизировано, переплетено с внутренним дискурсом о национальной идентичности и путях развития. В России сложились группы прозападных и антизападных общественных деятелей, интеллектуалов и активистов. По вопросу о Китае этого практически нет. Восприятие Китая сильно отличается. Оно носит в целом рациональный и прагматичный характер и в гораздо меньшей степени связано с глубинными пластами российского самосознания. Если судить по официальным документам, Москва не обеспокоена наращиванием военного потенциала Китая и ростом напористости его курса в 2008–2012 гг.

Такая асимметрия в господствующих представлениях о ведущих игроках влияет на внешнюю политику России и затрудняет ее адаптацию к серьезнейшим изменениям, происходящим в системе международных отношений. Россия рискует упустить открывающиеся возможности и не заметить возникающие угрозы, если и в дальнейшем ее внешнеполитический курс будет напрямую подвержен влиянию экзистенциальных поисков и внутривнутриполитическим соображениям¹.

Обратимся к отношениям рассматриваемых нами стран. Начнем с американо-китайских отношений.

Лейтмотивом внешней политики КНР с начала 70-х годов стало стратегическое сотрудничество со стра-

нами Запада в противодействие якобы осуществляемому СССР гегемонистскому курсу и в отличие от стратегии одновременному противодействию гегемонизму СССР и США в 60-е годы. Основной вехой на этом пути явилась нормализация отношений с Вашингтоном. 1 января 1979 г. между КНР и США были официально установлены дипломатические отношения.

Серьезный кризис в отношениях двух стран возник в связи с событиями на площади Тяньаньмынь в Пекине (1989 г.). Уже на следующий день после бойни в Пекине американский президент Дж.Буш заявил о прекращении военного сотрудничества между двумя странами и замораживании контрактов. Одному из наиболее известных китайских диссидентов, Фан Личжи, было предоставлено убежище в здании американского посольства. Вашингтон заявил, что будет добиваться прекращения кредитования Китая международными финансовыми организациями. Китайским студентам, обучавшимся в США и из опасения политических репрессий отказывавшимся возвращаться в КНР, было предоставлено право оставаться в Соединенных Штатах.

В этих условиях именно американская дипломатия взяла на себя инициативу по нормализации отношений с Китаем.

В частности, в течение 1989 г. Китай посетили Р.Никсон и Г.Киссинджер, продолжавшие оказывать существенное влияние на политику республиканской администрации.

Президент США в 1990–1992 гг. лишь своим вето остановил законодательные инициативы конгресса о привязке режима наибольшего благоприятствования к ситуации с правами человека в КНР.

В конечном итоге экономическая проблематика постепенно стала оттеснять на второй план проблемы, связанные с гуманитарными правами.

В конце 90-х годов в Белом доме уже больше предпочитали говорить об экономической либерализации Китая и вступлении в силу закона о нормальных торговых отношениях, заменивших ежегодную процедуру продления режима наибольшего благоприятствования.

Сегодняшняя экономическая политика Китая вызывает противоречивые оценки. Многие эксперты полагают, что Китай постепенно превращается в державу, действия которой нацелены на изменение международного статус-кво. Этот процесс ускорился из-за мирового кризиса конца 2000-х годов, который укрепил экономические позиции Пекина и его уверенность в своих силах. Если КНР действительно намерена изменить международные нормы и институты, то ей понадобятся партнеры. В этой связи отметим, что при всей безликости внешнеполитического раздела XVIII съезда КПК в нем указывается на БРИКС как на структуру, в которой Китай заинтересован. Другие эксперты полагают, что не в интересах Китая изменения международных институтов, сотрудничество с которыми позволило ему подняться на нынешнюю экономическую высоту.

Геостратегическая проблематика в отношениях двух стран тоже активно проявляла себя в последние десятилетия.

Так, основным кандидат на пост президента в ноябре 1999 г. Дж.Буш в своем выступлении заявил: «Китай – это соперник, а не стра-

тегический партнер. Мы должны относиться к нему без злой воли, но и без иллюзий»⁵.

Еще одно заявление в отношении Китая принадлежит бывшему госсекретарю США К.Пауэллу (2001 г.): «Белый дом не будет характеризовать КНР ни как "стратегического партнера", ни как "стратегического соперника"».

В настоящее время экономическое сотрудничество является основным элементом американо-китайских отношений. В течение уже не-

скольких лет США являются главным внешнеторговым партнером Пекина среди стран мира. Еще в середине десятилетия Китай вышел на второе место, опередив Мексику – партнера Вашингтона по НАФТА. В 2008 г. импорт из КНР практически сравнялся с аналогичным показателем другого участника НАФТА – Канады, а через год значительно превысил его (табл. 1).

Таблица 1

Объем торговли между США и КНР⁵

млрд долл. США

Год	Импорт США	Экспорт США	Всего
2001	102,28	19,18	121,46
2002	125,19	22,13	147,32
2003	152,44	28,37	180,81
2004	196,69	34,74	231,43
2005	243,47	41,93	285,4
2006	287,77	55,19	342,96
2007	321,44	65,34	386,68
2008	337,79	71,46	409,25
2009	296,4	69,58	365,98
2010	364,94	91,88	456,82

Одним из основных противоречий в торгово-экономических отношениях США и Китая является курс юаня, который держится на заниженном уровне, что благоволит китайским товарам на американском рынке, и, напротив, снижает конкурентоспособность американских товаров на китайском рынке. В 2005 г. в ответ на нарастающие обвинения в искусственной девальвации национальной валюты финансовые власти КНР впервые за много лет вынуж-

дены были повысить курс юаня по отношению к доллару. В настоящее время курс юаня носит плавающий характер, оставляя американцев в напряженном состоянии.

В то же время еще никогда в истории две державы-соперницы не были столь взаимозависимы. Каждая из стран – второй по значению торговый партнер. Китай – крупнейший кредитор США и владеет облигациями и другими ценными бумагами, выпущенными казначейством этой

страны на сумму более 1,2 трлн долл. Соединенные Штаты – третий по значимости инвестор в Китае. Около 150 тыс. китайских студентов обучаются в США, более 20 тыс. американцев работают и учатся в китайских университетах.

Ведущие американские политологи высказывают свое суждение об американо-китайских отношениях.

Так, З.Бжезинский полагает, что на нынешнем этапе отношения между двумя странами не могут быть статичными – они могут либо расширяться, либо сужаться. Мир извлечет только пользу, если эти отношения будут расширяться. При этом, по его мнению, основой этих отношений должны быть не только меры, принимаемые для преодоления глобального кризиса, но и геостратегическое сотрудничество, наиболее очевидными региональными проявлениями которого могли бы стать усилия по свертыванию ракетно-ядерных программ КНДР и Ирана, налаживание диалога между Индией и Пакистаном, включение Китая в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта.

Мысль Бжезинского разделяет и другой известный американский политик и ученый – Г.Киссинджер. Он отмечает, что новая роль США в мире должна заключаться в содействии превращению общей обеспокоенности большинства стран, связанной с поисками выхода из экономического кризиса и борьбой с трансграничным терроризмом, в стратегию. Основой этой стратегии должно стать понимание того, что новые проблемы не могут быть решены на национальном или региональном уровнях. Киссинджер указывает на Китай.

Именно от характера отношений США с Китаем, по его мнению, будет зависеть глобальный мировой порядок будущего. Киссинджер предлагает новому поколению американских лидеров строить отношения с Пекином на основе «чувства общей судьбы», т.е. так же, как строилось межатлантическое взаимодействие после Второй мировой войны (имеется в виду различный характер вызовов: в тот период – военные, сейчас – экономические и политические).

По мнению ряда политологов, еще в ходе избирательной кампании 2008 г. обозначилась следующая позиция Б.Обамы: интеграция Китая в существующий международный порядок, стратегический и экономический диалог двух стран.

Впрочем, в России не все разделяют подобную точку зрения.

Так, И.Зевелев считает, что стратегия Вашингтона в отношении Пекина не может не быть двойственной. С одной стороны, проводится курс на стимулирование включения Китая в мировые процессы в качестве ответственного игрока, а с другой – сдерживается его военная мощь. Призраком холодной войны, считает Зевелев, становится все более осязаемым в отношениях между двумя странами. Американо-китайские отношения подходят к опасной черте, за которой – открытая гонка вооружений, формирование альянсов, рост взаимного недоверия и подозрительности. В США выражают явную озабоченность ростом военной мощи Китая, его претензиями на Восточно-Китайское море, а также Арктику¹.

Для решения своих и глобальных проблем США и Китай нуждаются в

постоянно действующем механизме в формате G-2. Лишь только в этом случае отношения между двумя странами выйдут на тот же глобальный уровень, на котором в настоящее время находятся отношения США с Европой и Японией. Впрочем, в Китае данный формат отношений многие не встречают с распростертыми объятиями. В Пекине понимают, что при сохранении статуса США как монопольного глобального финансового центра ни о каком равенстве с США не может быть и речи. Кроме того, в Пекине отмечают, что идея G-2 может вызвать обеспокоенность среди большинства стран мира и нанести вред отношениям КНР с основными стратегическими партнерами. Так, подчеркивается, что уже возникла обеспокоенность в Евросоюзе. Все это идет вразрез со стратегическим курсом Пекина на политическую многополярность в мире.

Посмотрим на отношения России – США – Китая в контексте поиска национальной идентичности во внешнеполитической мысли России.

На внутреннем поле в России обнаруживаются такие школы внешнеполитического мышления, как либералы, государственники и националисты³. Образы США, и в меньшей степени Китая, значимы в системе взглядов всех трех школ.

Современные либералы подчеркивают сходство России с Западом на основании таких общих ценностей, как демократия, свободный рынок и права человека, рассматривая западную цивилизацию в качестве наиболее жизнеспособной и развитой в мире. Либералы предупрежда-

ют против излишне тесных связей с прежними советскими республиками, убеждая в том, что только в сообществе с «цивилизованными странами Запада» и при условии создания либеральных норм внутри страны Россия сможет успешно справиться с угрозами и преодолеть экономическую и политическую отсталость. Соединенные Штаты для либералов – важнейший стратегический партнер, а Китай – азиатский сосед.

Современные государственники придают особое значение сохранению социальной и политической стабильности и способности государства к управлению страной. В российской внешней политике это направление является наиболее приоритетным.

Одним из ярких государственных деятелей является Е.Примаков, впервые в Новейшей российской истории выступивший с идеей союза России, Китая и Индии для сдерживания амбиций США. По сути, эта идея реанимирована в новейшей Концепции внешней политики-2013, утвержденной В.Путиным.

Для российских государственных деятелей внутриполитический и идеологический факторы, а именно стремление любой ценой отстаивать полный суверенитет и не допустить вмешательства во внутренние дела, в настоящее время фактически исключают возможность временных коалиций с Америкой по вопросам, которые могут затронуть интересы Китая.

Наконец, националисты всегда рассматривали российские ценности как принципиально отличные от западных. В отличие от либералов и государственных деятелей националисты

стремятся бросить вызов самой системе ценностей Запада, настаивая на культурном превосходстве России и государств, объединенных вокруг нее. Некоторые представители этого направления демонстрируют твердую приверженность ценностям православного христианства, в то время как другие видят в России мирное сосуществование различных религий. Для националистов Россия борется за сферы влияния с атлантизмом, прежде всего с деятельностью США. Как школа внешнеполитического мышления националисты не представляют из себя влиятельной силы.

Вернемся к статье И.Зевелева и его центральной идее о методологической ценности политического реализма в анализе российско-американо-китайских отношений. Обращаясь к понятиям политического реализма, в частности концепции баланса сил, автор статьи пытается ответить на вопрос: какова роль России в данном тандеме? Как пишет Зевелев, анализ взаимоотношений между Вашингтоном, Москвой и Пекином в категориях равнобедренного «треугольника», что характерно для классического политического реализма и чему еще недавно отдавали дань реалисты всех трех стран, уже давно контрпродуктивен в силу кардинально изменившегося баланса сил. Политика США по отношению к Китаю уже никогда не будет определяться необходимостью при-

нимать во внимание фактор Москвы, как это было в эпоху Никсона и Киссинджера. Отношение Китая к США не формируется под воздействием российского направления внешней политики Пекина, как в период крайнего обострения советско-китайских противоречий в 60-е – 70-е годы прошлого века. Россия же будет вынуждена все больше учитывать фактор американо-китайских отношений. Соотношение сил между Соединенными Штатами и КНР меняется, и вопрос о необходимости компенсировать возрастающие амбиции Пекина может встать на повестку дня в течение ближайших нескольких лет.

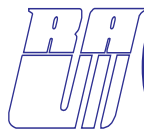
Абсолютное большинство российских экспертов понимают, что российско-американский союз против Китая так же нереалистичен и контрпродуктивен, как и российско-китайский альянс против Соединенных Штатов. Потенциально России, по-видимому, уготована роль *swing state*, т.е. страны, которая хотя и обладает гораздо меньшей мощностью, чем два мировых тяжеловеса, способна выбирать в качестве партнера то одного, то другого. При этом по одним вопросам временные коалиции могут возникать с США, а по другим – с КНР. Многообразные и многоуровневые партнерства и с Америкой, и с Китаем – лучшая стратегия для России. Это создает неплохие условия для укрепления позиций в мире, но требует постоянно выверять и просчитывать каждый шаг¹.

Поддержание баланса между евро-атлантическим и азиатско-тихоокеанским направлениями российской внешней политики требует не разворотов в ту или иную сторону, а гибкости и способности к перенастройке с целью адаптации к меняющейся обстановке. К сожалению, мы не можем видеть этого в Концепции внешней политики-2013, а это значит, что внешняя по-

литика России в ближайшей и среднесрочной перспективе может быть подвергнута неприятным неожиданностям со стороны двух ведущих тяжеловесов мира.

Примечания

- ¹ Зевелев И. Реализм в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2012. № 6.
- ² Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
- ³ Дробот Г.А. Анализ внешней политики России: основные подходы // Обозреватель-Observer. 2011. № 3. С. 4–5.
- ⁴ Панова В. О пользе клубных механизмов: «группа семи» и БРИКС в сравнительной перспективе // Международные процессы. 2012. № 2.
- ⁵ Цит. по: Современный Китай в системе международных отношений / отв. ред. Д.В.Бужаров. М., 2013. С. 95, 104.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@ru.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2013 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.